

Научная статья
УДК 343.2

ОСОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВИНЫ

Наталья Владимировна Шестакова¹

¹ Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, stud0000297248@utmn.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-5483-317X>

Аннотация. В уголовно-правовой науке проблема формулирования понятия вины, охватывающей признаки умысла и неосторожности, до настоящего времени не разрешена. Остро стоит вопрос определения правовой природы преступной небрежности применительно к выявлению психического отношения лица к совершенному деянию. Цель исследования состоит в модернизации форм вины и установлении их общих признаков. В статье предлагается изменение формулировок форм вины. Новые конструкции опробированы посредством научного моделирования. Концепция основана на взглядах В. В. Лунеева, Б. С. Волкова, В. Г. Макашвили, И. Лекшаса, Л. С. Рубинштейна, П. Я. Гальперина и других ученых. Суть концепции заключается в признании фактов осознания лицом общественной опасности того или иного преступления и отсутствии у субъекта волиности на совершение деяния при небрежности. Такая конструкция позволит успешно разграничивать на практике небрежность, легкомыслие и косвенный умысел и обнаруживает через интеллектуальный элемент наличие у лица психического отношения к преступлению, предполагает упречность, позволяет ослабить имеющуюся дискуссию.

Ключевые слова: осознание, предвидение, небрежность, легкомыслие, вина

Для цитирования

Шестакова Н. В. Осознание общественной опасности преступления как элемент вины // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 35–51.

Original article

AWARENESS OF THE SOCIAL DANGER OF CRIME AS AN ELEMENT OF GUILT

Natalia Vladimirovna Shestakova¹

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia, stud0000297248@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5483-317X>

Abstract. In criminal law science, the problem of formulating the concept of guilt, covering the signs of intent and negligence, has not yet been resolved. The issue of determining the legal nature of criminal negligence in relation to the identification of a person's mental attitude to the committed act is acute. The purpose of the study is to modernize the forms of guilt and establish their common features. The article suggests a change in the wording of the forms of guilt. New designs have been tested through scientific modeling. The concept is based on the views of V. V. Luneev, B. S. Volkov, V. G. Makashvili, and I. Lekshasa, L. S. Rubinstein, P. Ya. Galperin, and others. The essence of the concept is to recognize the facts of a person's awareness of the public danger of a crime and the subject's lack of willingness to commit an act in case of negligence. Such a design will make it possible to successfully distinguish in practice between negligence, frivolity and indirect intent and, through an intellectual element, reveals the presence of a person's mental attitude to crime, suggests stubbornness, and weakens the existing discussion.

Keywords: awareness, foresight, negligence, thoughtlessness, guilt

For citation

Shestakova, N. V. 2026, 'Awareness of the social danger of crime as an element of guilt', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 35–51.

В юридической литературе наиболее дискуссионными являются вопросы осознания общественной опасности преступления и предвидения общественно опасных последствий, формулирования общего понятия вины, выявления психического отношения лица к содеянному при преступной небрежности. В частности, С. В. Скляров указывает на отсутствие системы построения форм вины, на несовершенство их законодательных формулировок [1, с. 13–14, 28, 41]. У А. В. Гребенюка, А. Б. Сахарова, Б. С. Никифорова прослеживается мысль о факте осознания общественной опасности преступления и при преступной небрежности. В. В. Luneev постулирует наличие интеллектуального и волевого моментов во всех формах и видах вины [2, с. 288, 301]. Сознательность действий при неосторожности усматривают А. Б. Сахаров и И. О. Иоффе.

При легкомыслии признается факт осознания общественной опасности деяния и предвидения его последствий В. Ф. Кириченко. Наличие осознания потенциальной, а не реальной общественной опасности деяния при легкомыслии обнаруживают А. И. Парог, С. А. Поляков, С. И. Сухоруков и др. Отрицают осознание общественной опасности преступления при легкомыслии Е. В. Ворошилин и П. С. Дагель, ввиду наличия уверенности в ненаступлении последствий – В. А. Нерсесян, а из-за отсутствия более

тщательного обдумывания – А. И. Санталов. Абстрактное предвидение последствий при легкомыслии как в аналогичных случаях, а не в данной ситуации усматривает В. А. Нерсесян. А. И. Рарог допускает такое предвидение к неконкретным последствиям. Возможность предвидения общественно опасных последствий отождествляет с осознанием общественной опасности преступления И. Г. Филановский.

В научной литературе на фоне общего признания законодательной конструкции небрежности обнаруживаются различные позиции к пониманию ее природы. Так, большинство авторов видит свойство небрежности в отсутствии предвидения общественно опасных последствий (Б. С. Утевский, В. Г. Макашвили и др.), конкретных последствий (А. И. Рарог), общей абстрактной возможности наступления последствий (В. А. Нерсесян), при недостаточных обдумывании и сознательном контроле (Т. Л. Сергеева), а также в отсутствии осознания общественной опасности преступления при наличии такой возможности (В. А. Нерсесян, П. С. Дагель, А. И. Рарог, Е. В. Ворошилин).

Некоторые ученые считают, что небрежность образует воленарправленная деятельность (Б. С. Волков); другие допускают случаи волимости деяния при небрежности (А. И. Рарог); третьи момент волимости деяния переносят на предшествующий период (И. Г. Филановский). А. И. Рарог выделяет проблему определения момента вины, упречности [3, с. 71].

Психическое отношение к тому или иному объекту выражается посредством его принятия, желания, безразличного отношения или отвержения, каждое из которых может быть реализовано лишь при наличии осознания. Для психики человека характерна оценка конкретной ситуации посредством теоретических конструкций аналогичных случаев (абстрактное предвидение [4, с. 144]), поскольку сопоставление с заданным случаем происходит через образное мышление, возникающее в сознании в качестве ассоциации или посредством напряжения памяти, когда единичные представления характеризуются типовым характером, они сравниваются с текущей ситуацией, отклонение примирения к ситуации общих образов может свидетельствовать о произведенном выборе, о волевом акте.

Н. Д. Дурманов и А. И. Рарог под преступлением понимают волевое деяние [3, с. 86; 5, с. 68]. В. А. Нерсесян считает, что расчет на предотвращение последствий имеет как интеллектуальную, так и волевою сторону [6, с. 97–98]. И. Г. Филановский в вопросе установления небрежности ставит во главу угла волевой момент, наличие которого, по его мнению, оправдывает применение уголовной ответственности [7, с. 139, 141].

В юридической литературе предлагаются следующие типы преступной небрежности: 1) субъект осознает, что нарушает определенные правила предосторожности, но не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий; 2) субъект, совершая сознательно-волевой поступок, не осознает, что нарушает те или иные правила предосторожности; 3) деяние лишено сознательно-волевого контроля, который утрачен по вине субъекта [3, с. 97–98, 102; 8, с. 141]. Применительно к предлагаемой модели небрежности первый случай должен относиться к преступному легкомыслию, поскольку, сознательно нарушая те или иные правила, субъект понимает, что это может привести к неблагоприятным последствиям, однако самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. Аналогичной позиции придерживается В. Г. Макашвили [9, с. 86].

Второй случай является примером преступной небрежности, поскольку субъект действует с пониманием отсутствия полных знаний об объекте деятельности либо при на-

личии заблуждения, препятствующего соблюдению правила предосторожности. Наличие обязанности предполагает осведомленность о ее существовании, и момент упрека переносится на предыдущий этап деятельности, когда лицо должно было подготовиться к ее началу, выявив требования, предъявляемые к деятельности. Тем самым выявление требований, предъявляемых к любой деятельности, есть общее условие для всех субъектов и должно соответствовать уровню развития субъекта уголовной ответственности. Этот случай может составлять небрежность, когда у лица отсутствует волеимость по отношению к деянию как к нарушению, а при наличии таковой – легкомыслие. При этом осознание общественной опасности деяния заключается в том, что деяние как любой вид деятельности требует мер предосторожности, оценки и прогнозирования последствий и влечет за собой те или иные последствия. Упречность поведения заключается в уклонении от оценки деяния и прогнозирования его последствий при общем осознании такой необходимости. Осознание общественной опасности деяния равно осознанию его фактического характера и социального смысла. При этом субъект осознает, что деятельность требует мер предосторожности или соблюдения тех или иных правил, в том числе не конкретно определенных. Субъект предвидит, что несоблюдение правил, которые он может не знать, но знает о существовании каких-либо, неизвестных ему правил или общих мер предосторожности, может привести к каким-то неопределенным опасным последствиям. В связи с этим С. Л. Рубинштейн указывает на то, что процесс мышления детерминирован объектом [4, с. 78]. Ум человека имеет привычку на то или иное представление искать ряд ассоциаций и прокладывать причинно-следственную связь, в воле лица состоит поощрение и продвижение этого процесса либо его торможение, отклонение, прекращение.

По мнению В. Г. Макашвили, установление вины при преступной небрежности затруднено ввиду сомнения в наличии какого-либо психического отношения лица к последствию при отсутствии воли и представления о связи поступка с последствием, в наличии вины в целом [9, с. 13–14]. Аналогичных взглядов придерживаются И. Г. Филановский [7, с. 138] и С. В. Скляр [1, с. 39]. В. В. Лунеев называет проблему преступной небрежности мировой проблемой [2, с. 298]. В. А. Нерсисян считает, что в ст. 26 УК РФ психическая характеристика самого деяния при неосторожности отсутствует [6, с. 86–87]. А. В. Куликов отмечает, что ряд авторов считают, что преступная небрежность лишена субъективного отношения (М. В. Бовсун, С. В. Векленко), однако криминализация таких деяний вызвана практической необходимостью [10, с. 165]. В. А. Нерсисян указывает на то, что волевой момент небрежности характеризуется отсутствием внимательности и предусмотрительности [6, с. 103].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что при косвенном умысле субъект предвидит последствия, а при небрежности он не желает их предвидеть, что не исключает факт их предвидения, поскольку отклонение представления о них формируется на подготовительной стадии к деятельности и в процессе ее, и это представление субъектом осознается, но по причине его избирательной сосредоточенности на других вещах внимание может не фокусироваться на объекте (последствиях), это не означает, что они не проявляются в сознании. Между тем пребывание лица в социуме предполагает наличие общих социальных навыков, которые закладываются еще в общеобразовательных учреждениях, обучение в которых является обязательным для каждого.

Если исходить из того, что в случае неосторожной вины субъект осознает неправильность своего поступка, то в случае небрежности он не имеет волеимости совершать

поступок, но, в силу ослабления способностей и нежелания их мобилизовать или предпринять какие-то действия, совершает его.

Некоторые авторы указывают на взаимообусловленность осознания общественной опасности деяния и предвидения его последствий (А. И. Парог, А. В. Куликов, Т. Л. Сергеева, В. А. Нерсисян, Б. С. Утевский, В. Ф. Кириченко, Р. В. Минин, Е. В. Ворошилин). Ряд ученых считают, что можно предвидеть лишь общественную опасность тех последствий, которые являются результатом деяния, характеризующегося именно общественной опасностью [11, с. 175–176].

Согласно ст. 25 УК РФ имеется отличие между умыслом, имеющим обязательные признаки в виде общественно опасного деяния и общественно опасных последствий, и неосторожностью, в которой признак осознания общественной опасности деяния в качестве обязательного отсутствует. При этом ст. 14 УК РФ предусматривает, что преступлением является общественно опасное деяние. В формальных составах, являющихся умышленными согласно закону, признак общественной опасности последствий отсутствует, а в отдельных умышленных преступлениях отсутствует признак общественной опасности самого деяния (например, ст. 198, 199 УК РФ). Значит, указанные случаи, исходя из буквального толкования, не могут считаться преступными, поскольку в них отсутствует или является спорным наличие у деяния или последствий свойства общественной опасности. Тем самым упоминание указанных признаков не способствует достоверному отражению природы вины. В связи с этим примечательны доводы С. В. Складорова, считающего, что применительно к осознанию термины «общественная опасность» и «противоправность» деяния являются неудачными [1, с. 28–29, 39].

Вместе с тем исключение общественной опасности приведет к упразднению критерия криминализации деяния. Выход из этой ситуации видится в изменении формулировки прямого и косвенного умыслов в части замены понятия осознания общественной опасности действий (бездействия) на понятие «осознание общественной опасности преступления».

Кроме того, в действующей модели небрежности отсутствует психическое отношение к последствиям, поскольку они непредвидимы, и, с позиций определения вины как психического отношения к деянию и его последствиям, необходимо исключать вину как таковую. По смыслу ч. 1 ст. 28 УК РФ субъект при наличии такой возможности должен либо осознавать общественную опасность своего деяния, либо предвидеть общественную опасность его последствий.

Ряд авторов исходят из того, что возможность предвидения наступления общественно опасных последствий состоит в том, что при данных обстоятельствах их мог предвидеть всякий человек. В. А. Нерсисян выделяет общие нормы (уровня обыденного сознания), которыми должен руководствоваться каждый человек [6, с. 104, 114, 117]. Т. Л. Сергеева считает, что такая возможность заложена в модели среднего человека. Из долженствования предвидения последствий своих действий вне зависимости от своих психических свойств исходили А. Ф. Бернер, Г. Е. Колоколов, Н. Д. Сергеевский [12, с. 19–20].

Вопрос заключается в возможности осознания и предвидения не опасности своего деяния и его результатов, но их общественной опасности. Возможность осознания и предвидения в каждом случае постулирует психология, исключения устанавливаются в определенном законом порядке.

Возможность предвидения последствий предполагает: 1) наличие психологических, интеллектуальных, культурных способностей к предвидению (в том числе наличие со-

ответствующего нравственного чувства); 2) отсутствие таких объективных препятствий внешней действительности, которые исключают и неопределенное, альтернативное предвидение (например, обвиняемый резко открывает дверь, за которой стоит потерпевший, и последний от удара дверью получает смертельное повреждение).

Е. В. Ворошилин полагает, что способности к предвидению вредных последствий обусловлены достижением определенного возраста, приобретения опыта, знаний, наличием вменяемости, способности разумно принимать решение и проявлять свою волю [13, с. 13–14]. Следовательно, позиция непредвидения последствий ввиду отсутствия знаний или опыта формирует условия применения ч. 1 ст. 28 УК РФ. На наш взгляд, проблема способностей должна решаться за счет условий криминализации деяния посредством соизмерения способностей человека, его пола, возраста, уровня развития, поэтому криминальным характером отличаются лишь те деяния, которые вызывают особое общественное возмущение и их опасность, вредность и аморальность очевидны для членов общества.

Так, по делу № 85-УД23-9-К1 в отношении Г., оправданного по ч. 1 ст. 109 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) в своем кассационном определении от 5 сентября 2023 г., отменяя обвинительный приговор (согласно которому Г., находясь в лесополосе, осуществляя рубку деревьев, осознавая, что в зоне валки находится К., проявив преступную небрежность, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти К. от падения дерева или его частей, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности, а также учитывая наличие опыта вальщика деревьев, должен был и мог предвидеть, не убедился до начала рубки в отсутствии людей в опасной зоне, спилил дерево – осину, которая при падении задела березу, в результате одна из ветвей осины обломилась и отлетела в сторону, попав в грудную клетку К., который от полученных травм грудной клетки и внутренних органов скончался на месте происшествия), признала обоснованными доводы апелляционного оправдательного приговора, в котором приняты за основу показания Г. подтвердившего, что спил дерева производился совместно с потерпевшим К. в рамках их обычной практики, и Г. не мог предвидеть того, что ветка осины отлетит и убьет К. [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)]. В данном случае главными доводами, оправдывающими Г., являются незнание соответствующих законов физики на определенном уровне, отсутствие специальных измерительных приборов и факт того, что рубка деревьев и выявление траектории их падения осуществлялись Г. совместно с потерпевшим, что свидетельствует о наличии оснований, предусмотренных ст. 28 УК РФ.

Е. В. Ворошилин под предвидением общественно опасных последствий понимает мысленное представление о вреде общественным отношениям, осознание хотя бы в общих чертах развития причинной связи между деянием и наступившим последствием [13, с. 28–29, 35]. Т. Гоббс считает, что предвидение осуществляется через обращение к прошлому посредством напряжения психических сил в форме представления. Автор выделяет предвидение, основанное на опыте прошлого, и предвидение, основанное на рассуждении [14, с. 13–14].

И. Г. Филановский находит неосторожные преступления разновидностью волевого поведения. По его мнению, мотивы такого поведения направлены на само деяние, а не на последствия [7, с. 48]. А. И. Рарог считает, что применительно к умышленной или неосторожной формам вины необходимо различать мотивы преступления и мотивы поведения соответственно [3, с. 87].

Очевидно, что волимость лица при легкомыслии направлена на деяние, а не на последствия, и законодатель, указывая на признак предвидения общественно опасных последствий, подразумевает, что субъект осознает общественную опасность совершаемого им деяния. При преступном легкомыслии возможность предвидения последствий, в том числе их характера, реализуется в виде целостного образа за счет волевого отклонения ее просматривания и обсуждения, тем самым считается реализованной таким образом.

В. Ф. Кириченко возможность предвидения общественно опасных последствий раскрывает через отсутствие должного внимания к уяснению сущности действий [15, с. 28]. В. В. Давыдов дает характеристику психики как возможность предвидеть. По его мнению, такая способность присуща каждому человеку, а психика и сознание – это и есть отношение к будущему [16, с. 49–51]. Т. В. Скрипник исходит из того, что возможность предвидения заложена в самой природе мыслительного акта, который и при стихийном сложении в процессе эмпирического познания способен к предвосхищению опытных данных [17, с. 76].

Можно сделать вывод о том, что предвидение наличествует при осознании, однако в ряде случаев в свернутом виде из-за отсутствия обдумывания, обсуждения, аргументации ввиду сформировавшейся привычки (сворачивания мыслительных процессов, неразворачивания их, поспешности), отсутствия опыта ориентации в ситуации, дефектов нравственного отношения личности к общественным отношениям (нежелание задумываться), психологических дефектов личности (поспешность, нестабильность, импульсивность, порывистость, страстность, невнимательность).

Как указывает Б. Г. Ананьев, память и мышление являются основными формами переработки информации. При этом информация усваивается с помощью понимания и запоминания, далее она перерабатывается посредством так называемого прессования, которое осуществляется памятью, и фильтрации через ценностно-ориентированное мышление [18, с. 247–248].

В качестве другой причины свернутости осознания опасного характера деяния и предвидения общественно опасных последствий следует назвать осознание через образ, который раскрывает картину, не требующую обдумывания и осмысления, и содержит предвидение последствий своих действий. П. Я. Гальперин отмечает также автоматизацию действий [19, с. 284]. Учитывая, что все названные причины являются психологическими, доступными субъекту уголовной ответственности с учетом его возраста и уровня развития, принимая во внимание, что получение основного общего образования в РФ является обязательным, что устанавливает определенную социальную планку психологической саморегуляции, необходимо заключить, что субъект уголовной ответственности предвидит последствия своих действий при совершении преступления.

Типичная ситуация имеет место и при умышленных преступлениях, совершенных импульсивно, поскольку причины импульсивных действий могут быть аналогичными, но относительно вопроса уголовной ответственности при умысле этот факт не вызывает такой дискуссии. В. Д. Меньшагин считает, что и при неопределенном умысле субъект не представляет последствия достаточно определенно [5, с. 147]. На вероятностный характер предвидения последствий указывают Е. В. Юрчак и И. Г. Филановский.

Как отмечает П. Я. Гальперин, мышление является формой ориентировки в вещах на основе их образа. Ориентировка поведения также осуществляется на основе образа. Образы возникают, поскольку элементы среды не имеют таких значений, которые обе-

спечили бы успешность действия, действие регулируется посредством примеривания в плане образа. При обретении элементами проблемной ситуации постоянного значения ориентировочная часть действия начинает сокращаться и действие автоматизируется. В зависимости от степени типичности ситуации следующим этапом сворачивания (сокращения) психических процессов является опережающее идеальное взаимодействие с объектами среды [19, с. 280, 282, 284]. Значит, при определении факта предвидения последствий необходимо установление степени типичности для субъекта ситуации, степени сформированности навыка к такому деянию. Далее П. Я. Гальперин указывает на то, что опережение фактического исполнения действия его картиной происходит и в ходе ориентировочной, то есть нетипизированной, новой деятельности. Ученый отмечает, что мысль может выступать как новый образ предмета или ситуации, который несет в себе решение задачи как целое с изображением новой проблемы, передающей всю остроту его видения [19, с. 290–297]. С. Л. Рубинштейн под мыслью понимает и продукт мышления, и форму отраженного существования объекта. Автор также указывает на значение слова как продукта более или менее сложного обобщения и на его содержание, в слове объективируется вся внутренняя работа по анализу, синтезу, обобщению воспринимаемых предметов и явлений [4, с. 78, 114, 162–163, 166]. Человек может мыслить также пониманием, согласием, одобрением на те комплексные образ, картину, мысль, которые возникают в его сознании и раскрывают суть объекта, несут информационное значение о последствиях деяния. Т. Гоббс понимание определяет как представление, вызываемое в человеке словами или другими произвольными знаками [14, с. 10].

Кроме того, С. Л. Рубинштейн обращает внимание на то, что обобщение свойственно не только мышлению, но и ощущению. Процесс познания, начинаясь в форме чувственных образов, продолжается в форме отвлеченного, абстрактного мышления, предполагающего вычленение сути феномена [4, с. 97, 119]. Применительно к понятию абстрактного предвидения, о котором ведется речь выше, имеет место ошибочное употребление этого термина, поскольку абстрактное мышление предполагает более совершенную ступень сознания (анализ [4, с. 121]). Таким образом, предполагаемое суждение или представление может быть либо образным, либо неосмысленным, которое несет в себе определенную информацию об объекте, и факт того, что субъект не пожелал эту информацию подвергнуть анализу, отклонил ее, говорит о наличии у него возможности предвидения, которая была остановлена, прервана по его воле. Следовательно, эта возможность предвидения считается реализованной и имеют место как осознание характера деяния, так и предвидение его последствий. П. Я. Гальперин исходит из того, что в динамическом стереотипе, который образуется при наличии внешнего стереотипа, картина действия появляется раньше его фактического исполнения [19, с. 284, 289, 390].

В юридической литературе преобладает позиция, согласно которой осознание общественной опасности преступления предполагает, что человек понимает, что поступает дурно и что это имеет негативное значение для общества или то, что общество негативно относится к таким поступкам. Наличие у субъекта нравственной оценки своей деятельности и ее результатов зависит от желания лица. Нередко нравственная оценка человеком, совершающим преступление, своих действий в виде мыслительных суждений свернута либо поскольку она может вызвать колебания и помехи в совершении деяния, на осуществление которого лицо уже решилось, либо в силу отклонения ее лицом в процессе выбора варианта поведения. Нравственная оценка своих действий свойственна человеку и проявляется автоматически по причине законов, действующих

в социуме, наряду с оценкой результатов своей деятельности на предмет их содержания. Тем самым свернутость оценки общественной опасности, ее игнорирование свидетельствуют не об отсутствии осознания общественной опасности преступления, а лишь о нежелании углубляться в рассмотрение этого вопроса, об отсутствии навыка нравственной оценки своей деятельности, поэтому не исключают ответственность.

В. А. Нерсесян считает, что отсутствие предвидения общественно опасных результатов не предполагает отсутствие психического отражения этих результатов, однако, по мнению автора, опережающее отражение не всегда позволяет осознать информацию о возможных последствиях деяния [6, с. 12].

Как указывает С. Л. Рубинштейн, сознательный человек отдает себе отчет о последствиях, которые влечет за собой осуществление той или иной цели. Волевое действие опосредуется через сознание, приобретает избирательный характер, является проявлением личности. Процесс восприятия соответствует процессу наблюдения. Внимание является сознательно регулируемым и выступает в качестве проявления воли. Зачатки воли в виде стремлений, тенденций заключены в побуждениях любого действия. Волевое действие заключает в себе отношение к объекту. Всякое волевое действие является намеренным. Однако возможно волевое действие (то есть целенаправленное и сознательно регулируемое), в котором не выделяется намерение как особый момент – ненамеренное волевое действие [20, с. 168, 174, 512, 587, 599–600]. П. Я. Гальперин отмечает, что внимание открывается как направленность, настроенность и сосредоточенность психической деятельности. Психическое действие, обращенное на мысль, есть внимание [21, с. 242, 415–416, 420–421].

С. Л. Рубинштейн указывает на то, что в ходе мыслительной деятельности в ней образуются автоматизмы, навыки мышления, которые начинают детерминировать мыслительный процесс [22, с. 324]. М. И. Еникеев выделяет перцептивные, интеллектуальные и двигательные навыки и характеризует их различной степенью обобщенности, шириной охвата различных ситуаций, гибкостью, готовностью к быстрой реализации. В навыке потребности, мотивы, цели слиты воедино, а способы выполнения стереотипизированы [21, с. 40–41]. Б. Г. Ананьев объясняет, что характер и продолжительность активности субъекта способствуют приспособлению к отдельным ситуациям тактик поведения [18, с. 182]. И. Г. Филановский отмечает, что, поскольку жизнь человека регламентирована нравственностью и правом, это обязывает его соотносить свои деяния и личностные цели с их общественно значимыми последствиями [7, с. 140], на что, следовательно, в социуме у его членов должны вырабатываться соответствующие навыки.

С. Л. Рубинштейн выделяет следующие виды представлений: 1) как более или менее индивидуализированный образ воспоминания об однократной сцене, лице; 2) как образное, но обобщенное знание о каком-либо предмете, как отвлечение, некоторая абстракция, требующие переработки. В целом представления являются образами памяти, когда образ-представление воспроизводит ранее воспринятое и в той или иной мере осознается на предмет отношения к нему [20, с. 262–263].

Как указывает Б. В. Волженкин, современные исследования в области психологии и физиологии, высшей нервной деятельности и кибернетики подтверждают, что человек способен анализировать действительность, соотносить побуждение к действию с внешними условиями, ситуацией и с внутренними морально-психологическими установками (жизненной ориентацией, системой ценностей) и нравственными и правовыми нормами поведения, предвидеть возможные последствия своего поведения [22, с. 209].

А. И. Рарог отмечает, что из предвидения общественно опасных последствий многие советские ученые выводят признак осознания общественной опасности деяния (А. Ю. Демидов, В. А. Куринов, Н. И. Загородников, В. А. Нерсисян, Б. С. Утевский); другие считают, что предвидение общественно опасных последствий не равнозначно осознанию общественной опасности преступления (П. С. Дагель). Ученый придерживается первой позиции, поскольку осознание типичности возможных последствий соответствует пониманию потенциальной опасности своего деяния [3, с. 56; 6, с. 28].

Предметом осознания общественной опасности деяния также являются общественно опасные последствия (вред) как один из наиболее значимых источников общественной опасности. Кроме того, работа психики человека настроена на осознание будущих результатов, то есть оно нераздельно содержит в себе предвидение.

С. Л. Рубинштейн утверждает, что воля включает в себя осознание цели действия, вытекающей из вызвавших его потребностей и сознательное подчинение поставленной цели всего хода действия. Осознание цели и предвидение результата отличает волевое действие от инстинктивного [20, с. 168]. Как отмечает М. И. Еникеев, каждый волевой акт сопровождается определенной мерой волевых усилий по преодолению внутренних и внешних препятствий [21, с. 39].

П. С. Дагель и А. И. Рарог отмечают, что иногда в литературе говорится о том, что каждый человек обладает абсолютной возможностью осознавать характер своей деятельности и предвидеть последствия (Т. Л. Сергеева [12, с. 22]), тем самым вопрос установления субъективного критерия переносится в плоскость обстоятельств, препятствующих предвидению. Такая позиция, по их мнению, демонстрирует презумпцию предвидения, а следовательно, презумпцию виновности [3, с. 67; 8, с. 148].

Так, по делу за № 50-АПУ-18-12 в отношении Н., осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем апелляционном определении от 16 октября 2018 г. указала на то, что по заключению комплексной стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы Н. каким-либо хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием либо иным болезненным состоянием психики не страдал и не страдает. У него выявлены признаки синдрома зависимости от психоактивных веществ. В момент совершения инкриминируемого деяния Н. находился в состоянии наркотического опьянения, в клиническую картину которого входят отдельные иллюзорные расстройства восприятия. Вместе с тем Н. верно ориентировался в окружающей обстановке, в личности и времени, поддерживал с окружающими адекватный речевой контакт, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

По делу за № 1-АПУ14-20 в отношении Д., осужденного по пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем апелляционном определении от 4 сентября 2014 г. указала на то, что согласно заключению амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы Д. страдает психическим расстройством в форме «синдрома зависимости от алкоголя, средняя степень, периодическое употребление» и страдал им во время совершения инкриминированного ему деяния. Психическое расстройство Д. не сопровождалось помрачением сознания, галлюцинационно-бредовой симптоматикой, эмоционально-волевыми нарушениями, он находился в состоянии алкогольного опьянения с достаточной ориентировкой в окружающем, действия его носили последовательный и целенаправленный характер, он мог осознавать

фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

В данных случаях суды, ссылаясь на экспертные заключения, указывают на осознание лицом фактического характера и общественной опасности своих действий, при этом определяется, что из действий осужденных следует наличие способностей по ориентированию в обстановке, проявлению воли. Таким образом, суды возможность осознания как способность к осознанию отождествляют с самим осознанием исходя из наличия указанных признаков деятельности. И. Г. Шольтен обращает внимание на то, что отсутствие понимания или убеждения означает отсутствие смысла деятельности [23]. В целом факт нормальности в ряде случаев устанавливается правоприменителем в процессуальном порядке в соответствии со ст. 73, 296 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Вероятно, эта позиция демонстрирует не презумпцию виновности, а презумпцию нормального функционирования психических процессов у человека, которая действует до тех пор, пока не будет выявлено обратное, подобно тому, как правоприменитель исходит из психического здоровья подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, пока не установлено иное.

Применительно к объему осознания общественной опасности преступления законодатель в ч. 3 ст. 20 УК РФ указывает на то, что для несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности, отсутствие полного объема осознания фактического характера деяния и его общественной опасности (в полной мере) является основанием для освобождения от уголовной ответственности. Системный анализ данной нормы и ч. 1 ст. 22 УК РФ, исключающей в таком случае освобождение от уголовной ответственности вменяемого лица, характеризующегося психическим расстройством, говорит о том, что, с точки зрения законодателя, оправдано отсутствие полного объема осознания лишь для несовершеннолетнего как не имеющего соответствующего жизненного опыта и социальной зрелости [6, с. 104]. Тем самым жизненный опыт и социальную зрелость закон возводит в число ключевых факторов применительно к вопросу осознания общественной опасности преступления, и совершеннолетие для законодателя является тем порогом, начиная с которого содержание опыта не учитывается в уголовно-правовом смысле как основание для освобождения от уголовной ответственности, несмотря на то что положения гл. 14 УК РФ применяются и к лицам в возрасте от 18 до 20 лет. Представляется, что такой подход является оправданным с учетом достижений психологии в области возрастного развития личности, с одной стороны, и наличия института слабоумия – с другой.

Согласно п. 6 постановления Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» к обстоятельствам, вызывающим сомнения во вменяемости, могут быть отнесены, например, наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь, о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном психическом расстройстве, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др. Следовательно, отсутствие этих данных презюмирует нормальность субъекта – презумпция нормальности. При этом необходимо сравнить понятия нормальности, презумпция которой устанавливается при отсутствии указан-

ных данных, и виновности, презумпцию которой выводит ряд авторов из презумпции предвидения лицом последствий своей деятельности. Для этого произведем следующие логические цепочки.

1) нормальность $\neq$ виновность, ненормальность $\neq$ невиновность; 2) нормальность = способности; вина = психическое отношение к деянию и последствиям = психическое отношение к ценностям $\neq$ отрицательное отношение к ценностям¹; 3) нормальность $\neq$ психическое отношение к ценностям.

Норма = нормальные способности = осознание = предвидение. При этом способности – это качественное состояние соответствующих психических элементов. А. Г. Ковалев под способностями понимает систему интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств [18, с. 176].

Виновность = наличие состава преступления и общественной опасности; вина = наличие элементов умысла или неосторожности. Значит, вина – это комбинации психических элементов, в том числе некачественных или ненормальных, продуцируемых на деятельность и ее результаты, в том числе некачественно и ненормально.

На основании изложенного презумпция нормальности $\neq$ презумпция вины ввиду следующего. Презумпция нормальности говорит о том, что способности имеются и они являются нормальными. Презумпция вины указывает на то, как использованы способности; на то, что лицо их либо не желает использовать, либо к форме их проявления в конкретном случае закон относится отрицательно. Это свидетельствует не об отсутствии способностей, а о нежелании их использовать или их использовании не так, как того требует закон. Следовательно, неосознание и непредвидение уже несут в себе виновное содержание психического отношения нежелания осознать и предвидеть, а не отсутствие таких способностей. При нежелании осознать и предвидеть мыслительный процесс характеризуется свернутостью, при регулярном таком нежелании свернутость этих процессов становится привычной.

О. С. Иоффе видит сущность абстрактного предвидения в общей осведомленности, общем знании лица о причиняющей силе деяния, о его способности вызвать фактически наступившие последствия, отрицательное значение для общества которых лицо также осознает [24, с. 123–124].

А. В. Гребенюк усматривает «психологический феномен опережающего отражения развития событий объективной действительности». В связи с этим предвидение событий следует понимать как системную часть целостного процесса отражения. При этом психологическая теория опережающего отражения предполагает, что «реализация поведения деятельности невозможна без «забегания вперед», без отражения еще не наступивших, будущих событий»; психическое отражение всегда содержит реакцию-прогноз. Автор считает, что отсутствие предвидения при небрежности не означает отсутствия психического отражения этих последствий, поскольку процесс отражения не всегда осознается [25, с. 107–110, 189].

А. В. Куликов указывает на то, что вина является не потенциальным, а реальным «отношением, наполненным конкретным психологическим содержанием», поскольку воз-

¹ Отношение является психическим, а не отрицательным, поскольку отрицательный характер оно приобретает в результате его оценки законом, так как оно складывается из таких феноменов, как желание, волимость, осознание, предвидение, допущение, безразличное отношение, которые сами по себе отрицательными не являются, но приобретают отрицательную оценку в результате их соотношения с действием/бездействием и их результатами, которые являются отрицательными.

возможность предвидения характеризует вменяемость, а не вину [10, с. 163]. В. В. Лунеев отмечает, что для констатации у субъекта предвидения наступления общественно опасных последствий достаточно, чтобы лицо в общих чертах предвидело их наступление как результат его деяния [2, с. 292]. Б. С. Волков полагает, что преступление является сознательным общественно опасным и противоправным деянием [26, с. 5, 24].

Если исходить из презумпции сознательности деятельности, осознанию сопутствует предвидение возможных последствий, значит, невозможно говорить об отсутствии общего предвидения последствий, что ставит под сомнение законодательную конструкцию небрежности.

Менее приложимой к данной конструкции является ситуация, когда субъект забыл совершить или воздержаться от совершения определенного действия (например, обеспечить прием лекарств пациентом). Однако и в данном случае относительно предвидения последствий можно отталкиваться от момента, когда субъект утратил контроль над ситуацией и не предпринял необходимых мер во избежание преступных последствий, когда были запущены механизмы преступной небрежности, причинно-следственной связи. В силу этого момент, когда наступила данная обязанность, выглядит неосознанным и неволимым, однако в момент утраты контроля лицо осознавало общественную опасность подобного деяния и предвидело его общественно опасные последствия.

По мнению О. С. Иоффе, незнание в случае небрежности относится лишь к конкретной цепи действительных событий при наличии общих представлений о способности поведения вызвать наступивший результат. Он соглашается с позицией о том, что для выявления виновности определенное значение может иметь поведение, предшествовавшее совершению противоправных действий [24, с. 121, 124]. Т. Л. Сергеева находит волевое действие при небрежности порочным в силу неполноценности сознательного контроля [12, с. 18].

Предлагаем волимость на совершение деяния в качестве критерия разграничения легкомыслия, небрежности и косвенного умысла. При небрежности лицо не имеет волимости на его совершение и к наступлению последствий или относится к их наступлению безразлично. При легкомыслии лицо имеет волимость на совершение деяния, но самонадеянно, без достаточных к тому оснований, рассчитывает на предотвращение последствий. Для косвенного умысла характерны волимость на совершение деяния и отсутствие волимости к последствиям или безразличное отношение к ним. Во всех указанных случаях лицо осознает общественную опасность преступления, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий.

Предложенная конструкция охватывает все случаи небрежности, а также предполагает отказ от признака непредвидения общественно опасных последствий с заменой его на признак осознания общественной опасности деяния, содержащий психическое отношение к преступлению (упрек).

Таким образом, все случаи, охватывающие волимость по отношению к деянию как нарушению, необходимо относить к преступному легкомыслию, а ситуации, характеризующиеся отсутствием волимости, – к преступной небрежности.

Так, по делу № 9-УД24-10-К1 в отношении В., осужденной по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем кассационном определении от 14 ноября 2024 г. указала на то, что суд обоснованно исходил из того, что В. понимала, что предоставляемые ею услуги детского туризма с учетом возраста и физических возможностей несовершеннолетних представляют реальную опасность, что к рискам в туризме относятся пожароопасность и непрофессионализм персонала, действуя

тем самым умышленно, с целью сбыта туристских услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, заключила с индивидуальным предпринимателем Р. договор аренды коттеджа «Р.», не отвечающего требованиям пожарной безопасности при размещении в нем детей. При этом В. не предвидела возможности наступления общественно опасных последствий своих действий в виде смерти туриста, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть эти последствия [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

По делу № 19-УД24-2-К5 в отношении А., осужденного по ч. 1 ст. 118 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем определении от 6 марта 2024 г. указала на то, что, как установлено судом, А. толкнул потерпевшую в ходе танцев, она упала на пол и получила закрытый перелом шейки бедра со смещением. Установленные в суде обстоятельства свидетельствуют о том, что А. совершил преступление по неосторожности (небрежность). А. не предвидел возможности получения потерпевшей закрытого перелома шейки левого бедра со смещением, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

И. Лекшас отмечает, что при неосторожных действиях осознанная цель не направлена на осуществление преступления, поэтому у субъекта отсутствует воля на его совершение, лицо не учитывает, что оно может совершить преступление, либо оно полагает, что его действия не приведут к преступлению или поведение не может быть преступным [27, с. 67]. Подобных взглядов придерживается Т. Л. Сергеева [13, с. 98–99]. В. Г. Макашвили указывает на отсутствие волимости деяния – волевого напряжения для правильной оценки ситуации [9, с. 91]. Б. С. Волков говорит о возможности субъекта совершить действие или отказаться от его совершения во избежание вредных последствий. Ученый считает, что проблема будет разрешена, если «волевое содержание преступления мы будем искать не в побочных последствиях деятельности человека, а в самой этой деятельности» [26, с. 40–41, 43–44].

С учетом изложенного следует дать иные определения легкомыслию и небрежности и изложить ч. 2, 3 ст. 26 УК РФ в следующей редакции:

«2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, желало и/или имело волимость на его совершение, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение общественно опасных последствий своих действий (бездействия).

3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния и не имело волимости на его совершение, не желало наступления общественно опасных последствий, не имело волимости на их наступление или относилось к их наступлению безразлично.»

Введение указанных формулировок разрешит многие теоретические разногласия и позволит учесть презумпцию сознательной деятельности субъекта, которая состоит в том, что лицо не может не предвидеть и не осознавать в общих чертах последствия своих действий. Кроме того, данные определения предполагают психическое отношение лица к совершаемому преступлению.

Список источников

1. Скляров С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 326 с.

2. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М. : Спарк, 2001. 767 с.
3. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве : монография / науч. ред. Б. В. Здравомыслов. М. : Проспект, 2018. 190 с.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб. : Питер, 2017. 288 с.
5. Советское уголовное право. Часть общая : учебник / под ред. В. Д. Меньшагина и др. М. : Госюриздат, 1962. 450 с.
6. Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 221 с.
7. Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 173 с.
8. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 241 с.
9. Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М. : Госюриздат, 1957. 206 с.
10. Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163–172.
11. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М. : Юрид. лит., 1972. 264 с.
12. Сергеева Т. Л. К вопросу об определении преступной небрежности // Советское государство и право. 1947. № 4. С. 18–27.
13. Ворошилин Е. В., Кригер Г. А. Субъективная сторона преступления : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. 75 с.
14. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного или гражданского. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения: 24.07.2025).
15. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 94 с.
16. Давыдов В. В. Лекции по общей психологии : учеб. пособие. М. : Академия, 2008. 170 с.
17. Скрипник Т. В. Антиципирующие свойства личности в превенции отклоняющегося поведения несовершеннолетних : монография. Омск : ОГИ, 2007. 278 с.
18. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб. : Питер, 2001. 272 с.
19. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука / под ред. А. И. Подольского. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2003. 480 с.
20. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2023. 720 с.
21. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М. : Проспект, 2010. 560 с.
22. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 971 с.
23. Scholten, J. H. 1874, *Der frelewille. Kritischeuntersuchung*, Verlag von F. Henschel, Berlin.
24. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 311 с.
25. Гребенюк А. В. Вина в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 212 с.
26. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. 136 с.

27. Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступного деяния. М. : Госюриздат, 1958. 86 с.

References

1. Sklyarov, S. V. 2004, *Guilt and motives of criminal behavior*, Yurid. Press Center, St. Petersburg.
2. Kudryavtsev, V. N. & Naumov, A. V. (eds) 2001, *The course of Russian criminal law. General part*, Iskra, Moscow.
3. Rarog, A. I. 2018, *Guilt in Soviet criminal law: monograph*, Prospekt, Moscow.
4. Rubinstein, S. L. 2017, *Being and consciousness, Peter*, St. Petersburg.
5. Menshagin, V. D. (ed.) 1962, *Soviet criminal law. General part: textbook*, Prosecutor's Office, Moscow.
6. Nersesyan, V. A. 2002, *Responsibility for reckless crimes*, Yurid. Press Center, St. Petersburg.
7. Filanovsky, I. G. 1970, *Socio-psychological attitude of a subject to a crime*, Publishing House of Leningrad University, Leningrad.
8. Dagel, P. S. & Katzenen, D. P. 1974, *The subjective side of crime and its establishment: monograph*, Publishing House of Voronezh University, Voronezh.
9. Makashvili, V. G. 1957, *Criminal liability for negligence*, State Tribunal, Moscow.
10. Kulikov, A. V. 2020, 'Negligence in the Criminal Code of the Russian Federation: lack of sanity or a type of force majeure', *Russian Law Journal*, iss. 5, pp. 163–172.
11. Zlobin, G. A. & Nikiforov, B. S. 1972, *Intent and its forms*, Moscow.
12. Sergeeva, T. L. 1947, 'On the issue of the definition of criminal negligence', *The Soviet State and law*, iss. 4, pp. 18–27.
13. Voroshilin, E. V. & Krieger, G. A. 1987, *The subjective side of crime: textbook*, Publishing House of Moscow University, Moscow.
14. Hobbes, T. n. d., *Leviathan, or the matter, form and power of the ecclesiastical or civil state*, viewed 24 July 2025, <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf>.
15. Kirichenko, V. F. 1952, *The meaning of error in Soviet criminal law*, Publishing House of the Academy Sciences of the USSR, Moscow.
16. Davydov, V. V. 2008, *Lectures on general psychology: textbook*, Akademiya, Moscow.
17. Skripnik, T. V. 2007, *Predictive personality traits in preventing deviant behavior of minors: monograph*, OGI, Omsk.
18. Ananyev, B. G. 2001, *On the problems of modern human cognition*, Peter, St. Petersburg.
19. Galperin, P. I. 2003, *Psychology as an objective science*, Moscow, Voronezh.
20. Rubinstein, S. L. 2023, *Fundamentals of general psychology*, Peter, St. Petersburg.
21. Enikeev, M. I. 2010, *Psychological encyclopedic dictionary*, Prospekt, Moscow.
22. Volzhenkin, B. V. 2008, *Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)*, Yurid. Press Center, St. Petersburg.
23. Scholten, J. H. 1874, *Der frelewille. Kritischeuntersuchung*, Verlag von F. Henschel, Berlin.
24. Ioffe, O. S. 1955, *Responsible in accordance with Soviet civil law*, Publishing House of Leningrad University, Leningrad.
25. Grebenyuk, A. V. 2004, *Guilt in Russian criminal law: PhD thesis (Law)*, Rostov-on-Don.
26. Volkov, B. S. 1965, *The problem of will and criminal responsibility*, Publishing house of Kazan University, Kazan.
27. Lekshas, I. 1958, *Guilt as the subjective side of a criminal act*, State Tribunal, Moscow.

Информация об авторе

Н. В. Шестакова – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, мировой судья в отставке.

Information about the author

N. V. Shestakova – postgraduate student of the criminal law disciplines department, retired judge.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 11.09.2025; одобрена после рецензирования 23.11.2025; принята к публикации 03.02.2026.

The article was submitted 11.09.2025; approved after reviewing 23.11.2025; accepted for publication 03.02.2026.